Комбинезон прилипал к телу, ботинки обшаркались о камни, побелели, и в них липко, пальцы словно склеены. Пыль плотно обволакивала ноги, цементируя кожу. По шее текли грязные потоки. И все же ему от появившейся надежды теперь дышалось легче.

Сплошной серо-коричневой стеной стояли горы. Недвижимое нагромождение камня, подернутое синей дымкой, почти сливалось с небом, и уже легко найти место, где оставил Ахмада, ориентиров хоть отбавляй. Но чем ближе подходил, тем шире раздвигалось пространство. Вон дорога — значит, за теми скалами пленный.

Иван зорко оглядывал окрестности, вдруг тут «духи», палец — на спусковом крючке, в другой руке — граната Ф-I, большой палец — в кольце чеки. Он увидел Ахмада лежавшим навзничь далеко от того места, где оставил. В глазах «духа» стояли слезы, и он не сразу поверил в то, что русский вернулся. Как в бреду повторял: «Амад, амад, амад***».

— Ты, значит, решил еще раз познакомиться?

— Амад.

— Ты что, все бредишь, что ли? — спросил Иван, подавая питье.

Ахмад двумя грязными руками держал фляжку у рта и пил, казалось, самим желудком, там у него что-то жадно чавкало, ненасытно урчало. Он не подымал глаз на Ивана — некогда. Однако Иван заметил, что белки и лицо у него теперь не желтые. Значит, не гепатит, слава богу. Он тыльной стороной ладони попробовал лоб пленного.

— Меня сомнение берет, что ты дойдешь до речки, а как тебя туда доставить — не знаю.

— Ташвише медави****. Я сказаль, с таким живот нэ пайдешь далеко.

В доказательство у Ахмада внутри мощно забурлило, вода потоком хлынула изо рта, потом началась отрыжка. Он измученно махнул Ивану рукой — не смотри.

— Вытрись вот, на.

Ахмад повернулся задом, выдавив из себя, что в саване видел таких спасителей. Он послал Ивана по-русски.

— Залупастый ты, однако, парень. Его мать не трогай, а меня, значит, можно куда-нибудь послать. Но я лежачих не бью. Из таких отменные патриоты

** Окончание. Начало в № 3 за 2019 год.*

*** Публикуется в сокращении.*

**** Пришел.*

*****Расстройство желудка.*

получаются, которые в огне не горят, в воде не тонут. Самое смешное в том, что их, как презервативы, больше одного раза не используют, — еще не осерчал, а только набычился Иван.

— Мне одын раз, тэбе много. Так это чыто же, от бедынасти?

Иван пасмурно посмотрел на пленного.

— От бедности, — сказал он тяжело и со вздохом. — Мы бедные, потому что слишком многие на земле едят наш хлебушек. А уж если хоть один человек в нашей стране захочет стать богатым, то поменяются планы и сама жизнь у многих. Мы вас кормим, это значит, что все советские люди затянули пояса. Ты с такого ракурса не смотрел?

— Смотрэль не смотрэль, какой-такой разница? Кито пирасиль нас кормит?

— Ваши генсеки, да и на вас жалко глядеть — худые, как тень от велосипеда.

Ахмад проследил взглядом за пальцем Ивана, показывавшим в небо, но ничего не ответил. Только покашлял. Иван вынул из-за пазухи пук верблюжьей колючки — пожуй. Но Ахмад лег на спину и смотрел блеклыми глазами в небо. В отросшей реденькой бороденке песчаная крошка. Иван потрогал свою — чиста, шелковиста, ведь умывался сегодня.

Он сходил за куполом парашюта, вернулся. Ахмад лежал в той же позе с закрытыми глазами, дышал с присвистом, казалось, не слышал, как вернулся Иван, как хлопотал возле него, но по морщине между бровей и дрожащим векам можно понять: не спит.

— Идти пора, к темноте едва-едва доберемся до воды. Там ты живо выздоровеешь.

Ахмад повернулся на бок, перед ним словно мушки, а земля, казалось, встала на дыбы, но он пересилил себя, оттолкнулся от нее, поднялся, сделал шаг, другой, Иван — за ним.

Снова была горячая явь дороги, от которой зудила кожа. Пыль пахла горечью, как полынный веник в деревне. Иван вырос на хлебе, молоке и картошке. Бывало, возвращался из школы, находившейся в семи километрах от дома, и первое, что делал, лез в печь, а там — горячие щи, в которых целые картофелины. Разминал их, ел, запах у-у-у! Потом забирался на печь и спал под овчинным полушубком. Сейчас от одной мысли о щах едва не стонал.

Ахмад не прошел и полукилометра. Его вытошнило зеленью, потом уже не поднялся с колен, лишь отполз в сторону и упал. Иван тоже опустился в пыль. В нем не было ни одной мысли, казалось, и само сознание ушло. Через полчаса лениво решил: «Щас досчитаю до десяти и встану». Он остановился на сорока, поймав себя на том, что выдал лишку. Ахмада даже матерным словом не поднять. Умостил его себе на спину и сказал недовольно:

— Ты хоть руки скрести. Никогда не думал, что буду носить врага своего.

— Я тожэ нэ думал, что поэду на рускам мужике, — пытался шутить пленный совсем слабым с придыханиями голосом.

— На русского мужика где сядешь, там и слезешь. Он иногда распрямляет спину. Так, сиди там смирно и рассказывай что-нибудь смешное, это меня взбодрит.

— Шел чэлавек на дорога и накалоль сыбе ногу гво́здем. Кроф полился. А чэлавек смотрэль рану, радостна смеялся: «Слава Аллаху, сандалий нэ было, что сы ними стала бы?!»

— Бляха-муха, и где смеяться?

— Я сказаль тибе пиритчу.

— Ну, я чуть не умер со смеху. А поумней у тебя притчи есть?

— Тыри дехканин ворочили камыни. Одоного из них сыпросыли, чито делаит? Он отыветыль — горбачусь. Потом сыпросыли дыругого — а ты чито делаишь? Он

отыветыль — денги зарабатую. Сыпросили тыретьэго об этом же, он пысмотрель на нэбо и сказаль: «Мечэт строю». Жызынь напольнена у тот чэловек, кито идет кы великый цель.

— А у нас какая цель? Несу тебя, чтобы сдать властям для расстрела?

— Жит нада, Иван.

— Притчи притчами, ты лучше правду расскажи, как оказался возле самолета.

Ахмад ничего больше не говорил, а повис всем своим весом. Скоро у Ивана стала затекать шея, заныла спина, дыхание сбилось. По песку да по камням не разбежишься. Тут еще кости пленника впиваются, обжигают, будто мешок с раскаленным гравием. Силы уходили быстро, он остановился. «Иди! — велел себе. — Вон до того валуна». До него более ста метров. Сил хватило лишь на половину пути, и он радовался по-детски.

— Во, маханули, — сказал, сваливая Ахмада на землю, тяжело дыша, отираясь. — Ты как там? Не умер от тряски? Знаешь, плавно ходить, как на подиуме, не умею. Однако тяжел ты, братец, много камней за пазухой держишь. И правды от тебя не дождаться.

После привала подняться было невозможно. Все тело будто каменное, ни встать, ни выпрямиться. И даже небо теперь давило на него так, что не было сил сопротивляться.

Из пустоты живота к сердцу, затем к голове медленно подымалась бурлящая волна злости. Во что бы то ни стало подняться! Встать! Ну, ну, ну! А теперь шаг, другой, третий. Пошел, пошел! Тридцать метров шел и снова рухнул на землю.

После второго привала подымался не сразу. Стоило оторвать голову от земли, как все перед глазами закрутилось. Он даже на коленях устоять не смог. Показалось, будто небо рухнуло на землю, отчего та начала уходить из-под ног. И стала сплошная серость. Он полетел в нее.

Сколько пролежал, не помнит. При второй попытке Иван все же устоял, вцепившись взглядом в камень и сконцентрировав волю. Он лишь ногами знал, как и на что опираться, чтобы не свалиться в ту же серую бездну. Наконец почувствовал свое тело. Это было так, как если бы вошел в состояние перегрузки. Он не упускал этой зацепочки за жизнь. Ему собственный голос в предвечерней тишине показался резким, чужим.

— Стисни зубы, и вперед к победе коммунизма, — велел то ли себе, то ли пленному, обмякшему в пыли. Иван нажал на ноздри слева, справа и высморкался. — Вставай. Стоя еще никто не умирал, а вот лежа — каждый. Ты вот послушай нашу притчу. Мужик тонул в реке и взмолился: «Господи, говорит, спаси, а я буду вечно чтить тебя». «А ты сможешь?» — спрашивал господь. «Смогу!» — закричал мужик. И так поверил в свое слово, что вдруг река вынесла его на отмель, он остался жить. Только не смог чтить господа, потому что все смеялись над ним, экий верующий. В конце концов он снова оказался на рыбалке, попал в водоворот и на этот раз утонул. А Господь сказал: «Ложь убивает того, кто ее сказал».

Уже порозовели горы и пески, время поджимало. Ахмад продолжал лежать с закрытыми глазами, казалось, не дышал и во всей его расслабленности отсутствовали признаки жизни. Превозмогая себя, Иван опустился перед ним и, как врач, поднял веко. Ахмад тотчас страдальчески сморщился.

— Ай-вай! — заныл он. — Мой умирает, все плохо. О! О! О!

Иван взглянул на него внимательно. Губы в кровоточащих трещинах, покусанные и почти сплошь покрыты белой шелухой, кое-где отставшей, как обои на стенах. На пальцах словно и нет мяса, костяшки фаланг остро выпирали. Он не шевелился и слова произносил трудно, с придыханием.

— Мне Аллах памагит.

— Ваш Аллах тоже не Микишка, — нахмурился Иван, собрался с силами и снова: — За кровушку, как и за твою ложь, видать, везде одна плата: вечная мука. Но хоть ты и не жилец, да все-таки напрягись еще на переходик. Я присяду, ты — влезь. Не осилю я тебя поднять. Сдохнем мы здесь. Понимаешь? Сдохнем!

— О! О! Бебахшид, ман наметаванам. — И сказал то же самое по-русски: — Парасты (прости) мне. Мне нэ магу.

— Ну вот что: прекрати этот бабий бред. Я кроме матерных слов скажу и так: захочешь жить, влезешь, нет — желаю приятно провести время. Выбирай, только быстро.

Иван встал на четвереньки. Потом вдруг заржал так, что горы откликнулись эхом:

— И-го-го-го-го! Горячий конь ждет тебя! — и копнул землю коленом.

По лицу пленного пошли нервные тики, но сил улыбнуться не хватило. Получилось вымученно. Он кое-как оторвал голову от земли, начал переворачиваться. Ах, как хотелось жить. Дрожащими, обессиленными руками цеплялся за одежду, толкал землю ногами от себя, и в его теле билось живое — торопливо, взахлеб. Он полз по Ивану как червяк, срывался, упав, стонал. Потом оба лежали навзничь, устало наблюдали белесые перистые облака, подбитые по краям, исполосованные розовыми струями заката.

Негодовать не было силы. Иван повторял в уме кой-какие определения относительно своей персоны: «Ну и чего ты добился?! Слизняк! Квашеная капуста!» Он еще надеялся обозлить себя, как-то подогреться, чтобы достало мочи встать и поднять Ахмада.

Не помнил, как оказался на ногах, как закатил Ахмада на парашютный шелк и потянул за собой, продвигаясь где ползком, где привставая на четвереньки. Сумерки в горах кратки, ночь всегда внезапна. Иван свалился возле густой жижи на берегу речки, когда уже плохо различались предметы. Ползая, набрал всякого мусора, запалил костер, не заботясь больше о безопасности. Сейчас главное — вскипятить воду, напиться и спать.

Ночью проснулся оттого, что кто-то говорил. Боясь повернуться, с холодком в сердце улавливал бессвязные слова «шурави», «аслахэ», «у меояд»* и понимал: это плен. Наверное, «духи» выследили его. Он открыл глаза, но ни зги не видно. Костер почти погас, потрескивали угольки, иные уже подернулись сизой поволокой, сквозь нее нет-нет да вспыхивали рубиновые звездочки, подмигивающие, мерцающие. Иван осторожно повернул голову. Сзади та же темнота. И никого. Голос возле самого уха заставил вздрогнуть. Это бредил Ахмад.

— Вот дурень, нашел время для объяснений в любви. Тьфу ты, черт тебя побрал бы!

Иван едва поднес руку ко лбу пленного, тот схватил ее, прижал и неразборчиво произнес: «Мадар», потом еще что-то говорил. Иван так и не сомкнул больше глаз. Он то поил, то прикладывал к голове Ахмада тряпку, смоченную в воде. Из бредовой речи пленного ухватывал слова о войне, о матери и что-то, что связано с фамил (семья). Держал, когда тот собирался вставать. На другой день Ахмаду лучше не стало.

— Хреновато вас полевые командиры кормят, дохлый ты. Ладно, ладно, лежи.

Иван освободил Ахмаду грудь от одежды, приподняв голову, снова дал попить из фляжки. Может, хоть обильное питье собьет температуру. Ахмад открыл глаза. Иван обрадованно подмигнул ему.

— Ты как? Пора идти, пока не жарко. Пойдем вдоль речки, там и еду найдем.

---

* *Советский, оружие, он придет.*

Однако ему и самому хотелось помедлить, подержать тело в блаженстве. Он предложил пожевать травы Ахмаду. Они ели. Во рту тошнотно, но живот, наполняемый хоть такой едой, на время переставал урчать. Только солнце торопилось, подымаясь все выше, казалось, уже было не на небе, а в голове, в теле, и сжигало там все.

Иван уложил Ахмада на парашют, поволоклись дальше. Ахмад помогал ногами, нередко создавая помеху для движения вперед. Иван показывал кулак. К исходу дня все же вышли туда, где воды было побольше. Ночь провели, слушая кваканье лягушек. Кажется, вопрос еды решился сам собой. Правда, придется стать на время французом или китайцем — полюбить лягушачьи лапки. Звезды горели, радостно подмигивали, разноцветно светились.

Они ели лягушек. Ахмад повеселел, ползая, хватал рукой прыгающих тварей, потрошил и кидал в костер. Через пару дней в этом месте кваканья уже не было. Болезнь Ахмада ушла, но вялость и слабость остались.

Еще через три дня вышли к проселочной дороге. Они бездорожно срезали довольно значительный угол. На ней явно проступали следы от копыт и людских ног. Либо «духи» прошли, либо торговцы. Иван сверился с картой — да, та же дорога, которая петляла от ущелья и вела к рукотворному большаку, а тот выходил на шоссе, соединявшее Кабул с Кандагаром. По пути много горушек и один населенный пункт. Название на карте затерлось. Он возле шоссе. Теперь можно не бояться, что заблудишься.

Иван обследовал короткий участок дороги, и по тому, как запорошена пылью, установил, что прошли по ней лошади и люди давненько в сторону большака. Торговцы в непогоду не шляются. А это означало, что прошли душманы, которые отрезали уши у экипажа Хазарцева и пассажиров, и пошли туда же, куда идет Иван. Он впервые посмотрел на Ахмада с совершенно иной стороны. Может, не он сбил самолет? Зря дубасил его? Однако вопросы оставались. Как Ахмад оказался возле упавшего Ан-26? В тех краях нет населенных пунктов. Что делал там?

— Ты где живешь? Как фамилия? — Иван начал расспрашивать подетально, как следователь. — Вообще, полное имя? Кто твои родители? Кем работаешь?

Ахмад пояснил, что он живет на окраине Кабула. Имя назвал правильно, а фамилию пробурчал так, что было не разобрать. Потом говорил, что отца убили душманы. Для вескости не забыл добавить:

— Барадар работáет в паравительстве Афганистан.

— Барадар? Брат, что ли? Ну и как ты оказался в районе падения самолета?

Это был вопрос вопросов. Ахмад сделал вид, что ему очень тяжело: он закашлялся, попросил пить, кося глазом в сторону. У него на лбу густо выступила испарина.

— Ты, парень, не хитри. Про ложь притчу помнишь? От ответа зависит твоя жизнь. Если грешен, плохо. Не успеем прийти к нашим, как тебя тут же познакомят с Аллахом.

Ахмад склонил голову книзу, словно подставлял под топор, но покачал ею отрицательно: мол, нечего сказать. Иван взглянул недоверчиво — ну-ну, ври дальше.

V

Иван, чтобы не думать о еде, мысленно смотрел на себя со стороны и видел: в пространстве тащутся два бичугана — маленькая фигура в национальной одежде да длинная в камуфляжном обмундировании, с отсутствующим взглядом, совершенно безразличная к окружающему, к своей персоне. Штепсель с Тарапунькой*.

---

* *Комический дуэт народных артистов Украинской ССР Ефима Березина и Юрия Тимошенко (с 1946 по 1986 гг).*

Иван вспомнил репризу «Брехометр» с фразой Тимошенко: «На сегодняшний день меня интересует завтрашний день» и рассмеялся вслух. Однако в груди словно сквознячком потягивало. Еще день-другой, и желудок станет телом и мозгом. Потом смотри не смотри на себя со стороны, мысль о еде будет главной.

— Ты не молчи, — сказал Иван Ахмаду, делясь обглоданными косточками птицы.

— Сымиешься. Я свой башка застрелил бы. Какой сичас гаварит, сичас лучче умират.

— Ты попроси. Дырку в башке сделать — только на спусковой крючок нажать, и смерть спасет тебя от семейной жизни, — грустно улыбнулся Иван.

— Вот хотэль жинитца… — Ахмад осекся, так как далее могло следовать, что поехал сбивать самолет и этим заработать на вальвар, который требуется уплатить за невесту. Он осекся, закашлялся, чтобы не показать замешательства, продолжал: — Невэста мой жидет мне, она билизко. А ты убит мне хотэль. Мой дошиза* плакаит. Грех на твой душэ.

— Ишь ты! О грехе заговорил! Но, может, ты и прав. Может, я был неправ. Мужа трогать нельзя. Я, Ахмад, человека на дуэль вызывал из-за этого.

— Что это — дуэл?

— Драка на пистолетах. Бах, бах — ты в меня, я в тебя. Не понимаешь? Ну когда два мужика выясняют отношения из-за женщины. Бах один в другого.

— Застрелил груд ему?

— Нет, он предпочел не подставить грудь под пулю. Жить кому же неохота.

Иван замолчал, чувствуя, что больше не сможет идти ни шага. Они рухнули возле дороги. Дыхание у обоих тяжелое.

— Который ты хотэль застрелит, он посмотрел лицо твой ханум?

— Если бы. Он оказался намного проворнее. Вообще, это признак той системы, которую создали в мире: кто платит, тот и музыку заказывает.

— Какой музыка, Иван?

— Это так, образно. У нас, как и везде, тоже есть бедные и богатые. Богатые в основном сидят в высоких креслах. А у кого есть деньги, тот может купить все, в том числе другого человека. Мой враг не сидит в Кремле, но он смог купить, и моя жена уже не моя.

— У нас нэ так, чито ли? У нас такой же ест, толка мой нэвэста лицо другому нэ показывает. Мне ей убивает за это.

— Вот заклинило тебя на этом вашем «покажет — не покажет».

— А дуэл зачем быль?

— Честь в любом веке честь. Она крови стоит. Мой враг первым выстрелил в меня, но промахнулся. За мной выстрел, но я стрелять в него не стал. И не буду. Главное, что я теперь постиг истину: знай, кого выбираешь в друзья, но и во враги не бери первого попавшегося.

— По пириказу чэсты афганец и в огон бросытца, она, чэсть, из магила встает. Эта пагаворки мой народ. Ны Чинигисхан, ны Тамералан, ны Македоныский афганцев не завоеваль. Ми умеет ваеват… Его закидаль камнями?

— Кто закидал? Кого? Македонского? А? Никто его не тронул. У нас кучки не трогают. И я зря его вызвал на дуэль. Пусть живет. Ведь когда-то ему придется каяться в грехах. Подлость из души ножичком не выковыряешь. Нам всем придется каяться: бедным и богатым, злым и добрым… Знаешь, — Иван засмеялся, — а я тогда чуть было сам не застрелился. В наряде. Пистолет в рот и… Не сидел бы я сейчас тут с тобой, кишка кишке кукиш не казала бы. Да и твою рожу видеть для меня не мед.

---

* *Девушка.*

— За то, что сытырылялся, ты попаль в Афганистан убиват мирный житэль?

— Кабул каждый день обстреливают из минометов, это что, русские, что ли? Вот от этих стрелков мы вас и защищаем. А ты злой мужик, Ахмад. Пока что не я убил, а ты. У тебя по локоть руки в крови. Аллах не простит твой грех.

— Ты нэ убиль? А дывое в ущелье? Тыбэ каятыся. Аллах мнэ вознаградит. Убит кафира… этот, как ее… неверный, мне рай будет. Там я буду вали*. Быт богатым харашо, но не в один тысяч раз богаче тот чалавек, каторый уважают.

— Я каюсь: горы, простите! — Иван посмотрел вверх, потом на Ахмада. — Я спасал и тебя, дурака. Но зачем ты памятку «духов» в кармане носишь? А? Ты, ты нас завалил.

Ахмад слово «завалил» не понял. И переспрашивать не стал. Помолчали.

— Ты быросиль свой жэна?

— Оставил на время, пока там кипит и бурлит все.

— Ты с жэном, а твой партий с народом связь потиряль. Ходытэ где папала. У нас малик гаварит: лучче черствый лепешка в своем доме, чем пылов в чужом.

— Мудер ваш малик. И насчет потерянной связи ты прав.

— У нас бросат жэна лехко, надо тыри раза сказат в присутствии людэй — не хачу жит с этим ханум. Ты ей нэ на виремя оставиль, а быросиль в тырудный мамэнт. Ты тырус, Иван?

Житихин мог ответить, что она изменила, но не ответил, а посмотрел на Ахмада длинным настороженным взглядом. В его глазах мелькнули искорки позднего раскаяния. Ахмад прямо в сердце попал. Это была истина, в которой Иван боялся себе признаться. И снова тяжелые думы приходили одна за другой. Как там она с дочерью? В гарнизоне им не дадут житья, сплетнями изведут. Он представил, как жену бранят, выжимают последние соки. Она, поди, сто раз пожалела, что изменила.

Ахмад теперь передвигался увереннее. Они брели по дороге. И снова пыль мукой набивалась в одежду. В очередной привал Иван вдруг услышал чириканье, потом увидел птичек — воробьи. Родные! Мать честная! Он почувствовал, что задыхается от нахлынувших чувств. Воробьи! Они же к человеку жмутся. А значит, где-то рядом кишлак, да пусть даже одинокий дувал. Но это же люди!

— Люди! Люди! — крикнул он, и горы многократно повторили его голос.

Ахмад со страхом смотрел на него. Не сошел ли с ума русский?

— Тут кишлак должен быть. Не могу разобрать из-за потертости на карте, как называется. А ну пошли. Живей подымайся!

Поспешили скорым шагом. Только ночь шла им навстречу быстрее. Сначала голубой цвет неба сменился темно-синим, потом — фиолетовым, серым, и, наконец, черное покрывало быстро опустилось на землю. Огромное пространство стало мертвым, ничего хорошего не обещающим. Иван нес свое грязное, потное тело в пыльном облаке, желая одного: поскорей встретить хоть одного человека. Ему было не важно, кто это будет, друг или враг. Даст же кусок хлеба и глоток чистой, не пахнущей тиной воды. А не даст, придется пострелять, но, если их будет много, тогда придется принять бой. Ахмада, конечно, первого в расход. Он приготовил гранаты, передернул затворы пистолета и автомата. Два рожка из наспинных карманов «лифчика» сунул в брючные — поближе брать. Главное, не дать себя окружить. Ну а если окружат, выход один: вот два патрона от пистолета, которые размозжат ему и Ахмаду головы быстрее, чем успеют схватить.

Ахмад не мог идти. Он падал и ссылался на то, что ничего «нэ видыт», просил «пэрэждат» ночь, а утром двинуться вперед. Иван рукой схватил тонкую шею, прошипел:

---

* *Близкий друг Аллаха, святой.*

— Еще вякнешь, придушу!

— Толка и знаишь — пиридушу. Вах, ман горосна астам (я хочу есть).

— Не скули. Тихо. Будь мужиком, тогда выживем.

Они проскочили бы кишлак, поскольку его дома, окруженные глинобитной стеной, взобрались на горушку и в темноте были неразличимы. Однако, как говорят афганцы, лошадь видит дорогу ногами… И тут раздался крик ночной птицы. Ахмад от неожиданности присел и тихо, но радостно произнес: «Вах!» От ближайших зарослей доносился стрекот цикад, в лицо горячо дышала ночь. Иван тоже присел. И тотчас разглядел метрах в двухстах нечто прямоугольное. В голову ударила приятная волна. Природа сотворила горы, но она никогда не стремилась к правильным формам, а это значит, что там какие-то строения, их даже в темноте можно разглядеть. Наконец дошел! Оставалось разведать, кто в кишлаке.

Они перелезли через низкий дувал к нагромождению расположенных амфитеатром домов — глинобитных, деревянных, со множеством окон, в центре площадь. Ни души, ни огонька, будто здесь никто не живет. Иван — к дому, тут у него чуть не взорвалось сердце. Сверху на спину свалился некто тяжелый, заломил руки, связал. Оружие отнял. Ивана приложил о землю, из носа запузырилась кровь. В затылок жестко уперся ствол автомата.

— Вот так лучше. Мелкого стреножь, — двое, тяжело дыша, говорили над ним по-русски, а потом на дари: — Берим бахайр. Валар сай*! Шастают тут по ночам! Кто такие?! Да еще парой. У вас что, платоническая любовь? Это когда Платон имеет Платона.

Ивана подняли с земли сильные руки бойцов боевого охранения. Житихин впервые в жизни поверил в сверхъестественные силы и в то, что его мольбу услышали небеса.

— Балбес, — сказал он хрипло, с близкой слезой в голосе. — Ты подсвети фонариком да глянь на рожу мою пензенскую. Она тебе родину твою не напоминает?

Ивана и Ахмада повели по закоулкам кишлака. Возле одного из домов остановились. Боец вошел внутрь, а другой остался сторожить с автоматом наготове. Вскоре их позвали.

В глинобитном доме одна круглая комната, не знавшая смены времен года. Дни, месяцы здесь похожи один на другой, словно узоры на пиале. Запах лепешек и зеленого чая тоже вечен. Почти никакой мебели. На ящике из-под снарядов, игравшем роль столика, подслеповато горела коптюшка, сделанная из гильзы от ДШК и заправленная соевым маслом. Вокруг на паласе сидели, сложив ноги по-турецки, трое в камуфлированных казээсках, тени от них на стенах большие, неподвижные. Погон на плечах нет, Иван определил — десантники. Тот, что возрастом постарше, — огромный, с усами, строго спросил: «Кто вы?»

Иван дар речи потерял. Это действительно свои, воевать ни с кем не надо. Он пытался шевелить губами, но из него ничего, кроме воздуха, не выходило.

— Ток щас балабонил по-русски. Че, с радости очумел бля? — спросил один из бойцов и засмеялся беззлобно.

— Разведчики оба, — сказал другой. — У этого действительно рожа и говорок наши, пензенские, — акает, слова растягивает. За сколько сребреников родину продал, землячок?

Иван прочистил горло кашлем, попросил развязать руки. Старший за столиком кивнул солдату. Когда руки оказались на свободе, Иван приподнял земляка Самаркина, сдавил так, что тот крякнул по-утиному, потом легоньким тычком уронил на пол. За столом заржали.

---

* *Поехали. Встать!*

— В следующий раз отправлю в получасовой нокаут. Сребреники! Я те! У! Извините, не знаю вашего звания, — буркнул Иван, обращаясь к военному с неулыбчивым лицом. Ему подсказали звание, он продолжал: — Товарищ майор, я капитан Житихин, начальник связи первой эскадрильи из полка Крягова. Самолет, на котором экипаж и пассажиры летели в Кандагар, был сбит. Все погибли, уцелел я один. Удостоверения личности с собой не берем по понятной причине, вот моя медицинская справка с гербовой печатью, в Союзе по ним проходим медосмотры… Нам бы хлеба, давно не ели, поесть бы раньше всяких вопросов.

— Иван Житихин? А это кишлак Зендаги, по-нашему — Жизнь. Житихин — Жизнь, есть созвучие. Значит, будем жить! Я — Бердников Владимир Сергеевич, — майор показал на усатого, — это прапорщик Баскаков Борис Григорьевич. — Вы моих бойцов очень квалифицированно усмирили. Браво! Десантники, учитесь, человек хоть и изможден голодом, а в секунду обезвредил сытого Самаркина. Спортом занимался?

— Я дворянин. В основном дворовое воспитание и немножко на секцию бокса ходил.

— Хе-хе, немножко. Допросов учинять не буду. У вас будет время поговорить с особистами, они это любят. Второй что не представляется, глухонемой, что ли?

Иван не стал отвечать, а быстро спросил:

— У меня часы давно стоят. Какое сегодня число?

— Через неделю дети в школу пойдут бля.

— Елки-палки! Крайне интересно, это где же я пятнадцать дней шлялся? Чуть Маресьева не переплюнул, — у Ивана по спине холодок пробежал, а на лице улыбка: выжил.

— Это ты намекаешь, чтобы мы тебе звание Героя Советского Союза присвоили? У нас, кроме ордена «сутулого», ничего нет, — посмеивался Борис Григорьевич и пошевелил усами. — Покормим, покормим. Говорите, на двухразовом питании были: вторник и пятница?

Еды много не дали, так, в котелке на донышке что-то вроде похлебки из мяса и перловки. Иван и Ахмад уже через секунду застучали ложками по дну.

— Ну, тебя по форме и по справке видно, кто ты. Спутника-то твоего как зовут? Это что за перец? Вроде как не наш.

— Неужели у вас нечего больше пожевать? — снова встрял Иван.

— Сдохнуть захотелось? После голодухи много есть нельзя, желудок схватит, а у меня врач в боевом охранении сидит. Да и лечимся мы одной таблеткой — от головы, и она же от поноса. Часа через два-три еще дадим. Воды вон побольше пейте.

— С воды не потолстеешь.

— А мы тебе галушек в нее накидаем.

К Ивану и Ахмаду потянулись белые пластмассовые фляжки десантников.

— Сейчас вас сводят к колодцу, помоетесь. А то запах — хоть святых выноси. С одеждой сложнее, придется у местных демократов позаимствовать. Не возражаете, если придется походить в местных шмотках? Михайлов, проводите авиацию и этого… Так кто это с тобой?

Тут уж надо было отвечать. Иван в растерянности, скажи сейчас, что сбил самолет Ахмад, его выведут за кишлак, расстреляют без суда и следствия. А если сбил не он, а тот, кто и возле самолета оказался первым, кто отрезал уши у жертв катастрофы? Иван выдохнул:

— Он один из подозреваемых, кто сбил самолет, он же мое доказательство, что самолет я покинул не просто так. Но там еще стрелял кто-то, сами понимаете, нужно расследование.

— Что-что-что?! А ну-ка, ребятки, в холодную его, сукиного сына.

— В как…кую холодную. Расстрелять, что ли? Вообще-то, разобраться бы сначала.

— В подвал посадим, — успокоил Борис Григорьевич.— А ты чего так за него хлопочешь? Дурья башка, он же тебя сбил! Вон сдадим царандоевцам или в ХАД, то есть в милицию или особый отдел, там быстро выведают правду. Там это умеют. И документик на тот свет на законном основании выпишут.

Иван побрился, Ахмад не стал, оба помылись возле глубокого колодца, доставая воду ведерком, сделанным из камеры автомобиля, на дне которого камни, чтобы лучше тонуло. Это уж наши додумались.

Жилистый десантник с автоматом охранял их. Он же повел по дворам добыть одежду. В одном доме дали шаровары, в другом — длинные рубахи. Переоделись. Теперь Ивана не отличить от местного жителя, только волосы даже в темноте светлые. Иван вернулся к колодцу постирать летно-техническое обмундирование. Ахмада повели в подвал. И последнее, что видел Иван, был тусклый в ночи блеск его глаз, придающий жалкое, испуганное выражение лицу. Иван сунул ему в руки фляжку.

Баскаков говорил, что они тут зону мира обеспечивают, очень горячо бывает. Вчера «духи» провели разведку боем, надо полагать, скоро нагрянут с серьезной претензией на эту территорию. И поинтересовался, где они шли к кишлаку. Иван показал рукой — с юга.

— Гордеев проспал со своей группой все царство небесное. С боевых вернемся, я ему устрою райскую жизнь. А ты с нами или с местными в подвале отсидишься?

— Мне бы поспать, сморило меня.

— Устроим постель.

Иван спал сладко и крепко. В это время Гордеев по рации получил втык за ротозейство, а еще «мать-перемать» и три наряда. А часа через два громыхнуло невдалеке, дом подпрыгнул. Майор Бердников разбудил Ивана.

— Слушай, авиация, «духи» пошли, придется поиграть в войнушку. Ты держись возле меня, и если не хочешь в цинк угодить, делай, как я. Надень каску, а то комком глины убьет.

— Мне показалось, что на завтрак приглашают. Как же ты? Без каски?

— Я привычный. Мы с тобой сейчас не только позавтракаем, но и пообедаем.

Снова гакнул взрыв, послышался треск автоматных очередей, Иван привычно протянул руку за оружием. Майор подал автомат и летно-техническое обмундирование, не успевшее высохнуть. Иван свернул его в скатку, приторочил веревочкой к брючному ремню. «Лифчик» показался неподъемным, надел поверх афганской рубахи, на голову — каску, получилось чучело местного пошиба, выскочил за майором наружу. Там творилось непонятное: слева, справа следовали взрывы, с шипеньем влетали в ночь пули с трассерами, похожие на новогодние шары, кричали люди, животные. Куда бежать? Иван передернул затвор автомата, и когда шальная пуля пропела возле уха, ощутил внутри скользящий червячок страха, но не тот, который сковывает, а мимолетный, потом было привычное: убьют так убьют.

— «Духи» смяли боевые охранения! Группе прикрытия занять круговую оборону. Остальные отходим к высотке! — крикнул Бердников.

— Командир, отходите быстрее! — рявкнул прапорщик Баскаков. — Я повоюю с ними!

Иван побежал, стреляя туда же, куда палил майор. Он видел свои пули, белые точки летели и, находя цель, гасли. Они чертили в пространстве беспорядочные траектории, и эта огненная метель только-только набирала силу, жужжа, свистя и шипя по-змеиному. А прапорщик Баскаков кружил с группой прикрытия по

кишлаку от дома к дому, убивал по одному, по два «духа». Они увязались за ним хвостом, не понимая его тактики. «Спасибо тебе, Григорич, ты нас спас. А теперь выберись и сам», — подумал Бердников.

VI

Душманы переиграли Бердникова. Они разбились на две группы. В первой насчитывалось около ста человек. «Духи» влетели в долинку на машинах с включенными фарами, с ходу вступили в бой с передовым охранением. Свет слепил: куда стрелять?

Группу Гордеева уничтожили за каких-нибудь десять минут. Гордееву оторвало взрывом ступню. Он полз в сторону кишлака и стрелял в воздух, пока не кончились патроны и не настигли «духи» на джипе, всадники на разгоряченных лошадях.

Его подняли с земли, привязали к рукам веревки, растянули в стороны так, что Гордеев повис на них, стоя на коленях. Он видел в свете фар скачущего на него всадника, последний раз вздохнул, из горла хрипло вырвалось: «Товарищ майор! В ружье! — и потом обреченно прошептал: — Pro mundi beneficio. Videor venisse. Finis*». Конь перепрыгнул через веревку справа от Александра, а рука всадника с блеснувшей полоской сабли, описав полукруг, снесла пленному голову, которая покатилась футбольным мячом, оставляя на песке черные отметины. Рука Гордеева схватила в горсть чужую землю, в последний раз прижала к груди. Тело застыло окровавленным бугорком среди песчано-каменной серости. Потом его ненасытно терзали штыками и прикладами.

Бердников услышал выстрелы, бросил десяток человек на подкрепление, но с гор с разных направлений на кишлак пошли основные силы душманов, хорошо вооруженные, на голове гутры — платки, закрывающие лицо. Одни звериные глаза сверкали в ночи. Горы съежились от страха. Десантники отступили, их задача — оборона кишлака. Несколько бойцов погибли сразу.

Резня пошла в кишлаке, доходило до рукопашной. Крики, стрельба, матерщина. На улице трупы, под ними в красных отсветах взрывов ручейки. Душманы зажимали группу прикрытия, стараясь окружить. В кровавой толчее Баскакову ничего не оставалось, как отступить туда же, куда ушел Бердников — на высотку, неприступную для атакующих.

Операцией руководил Саттар-хан, а Джади передавал его команды. Они въехали в кишлак на джипе и разрисованных грузовых машинах «буру бухайр»** с фразами из Корана, главная из которых «Аллаху акбар», за ними — боевики на лошадях. С автоматом в руке Саттар-хан проехал на белом коне по узким улочкам. Мужчин и пленных русских вывели за кишлак для определения кто есть кто, согласных с режимом Наджибуллы велено отправить на тот свет. В свете фар Саттар-хан огромен, тень легла на дом. У подчиненных радостные усмешки под бородами. Автоматы наизготовку. Повели, пиная, галдя, довольно большую молчащую толпу к выходу из лабиринта, образованного домами и дувалами.

Ноги множества людей месили пыль, она подымалась, туманя свет фар. Улочка превратилась в багровый квадрат с копошащимися людьми. Фиолетовые вспышки выстрелов высвечивали на мгновение перекошенные злобой лица моджахедов, стальные жала штыков.

** Во благо мира. Кажется, я пришел. Конец.*

*** Езжай, счастливого пути (пушту). По-русски эту машину называли бурбухайка.*

Бердников с бойцами укрепился на двух постах, ранее отбитых у душманов. Оттуда кишлак хорошо простреливается снайперами, «духам» не пройти. К нему подскочил Иван.

— Товарищ майор, там боец остался охранять пленного!.. Мы бросаем их?!

— Пока мы с тобой дрались с одной группой боевиков, другая давно порешила солдата и пленного. Но, если ты сумасшедший, ступай вызволять. Особенно пленный для нас ценен.

— Дай солдата!

— Не дам! На погибель не дам! Там уже «духи»!

— Тогда один пойду. Этот пленный — единственное доказательство, что я не просто так покинул борт. Я одет, как они, проскочу. Сохрани мой комбез, а то летать мне не в чем будет.

— Водку пить или башку под пули подставлять — это не одно и тоже. Стой, дурень стоеросовый! Вот ты, елки-моталки!

В кишлаке горело несколько домов. Иван побежал по лабиринту улочек туда, где, как он помнил, должны быть солдат и Ахмад. Приходилось нет-нет да и хорониться от опьяневших от крови душманов. Иван думал, что спасет обоих, рассчитывал сделать это за несколько минут.

Где ползком, где пригибаясь, подобрался к дувалу. Зычные крики душманов раздавались на том конце кишлака. Он осторожно перелез через дувал и пополз к дому, в подвале которого, по его расчетам, должен сидеть Ахмад. На ступеньках, ведущих вниз, в неестественной позе лежал часовой, убитый выстрелом в упор. Даже в красном колеблющемся свете пожарища была видна на чистом юношеском лбу черная рана и черные точки пороха вокруг.

Дверь подвала открыта настежь, сунулся внутрь — горячий черный вонючий мрак, никого нет. Значит, Ахмада увели. Ивана сзади окликнули на дари. Обернулся, хотел ответить, но ни одного слова чужого языка вспомнить не мог. И было вскинул оружие, чтобы стрелять, но пришлось оставить свое намерение. Наверху в неровном свете полыхающего недалеко пожарища стоял десяток человек, вооруженных до зубов.

— Ман шомара дават меконам бачай, — «духи» ржали. — Вранди — марш! Шай герз*!

Потом Ивана и местных мужчин, волокли за кишлак, всех поставили возле глинобитной стены. Иван пришел в себя оттого, что кто-то тряс его за плечо. Ахмад! Лицо в кровь избитое. Оказывается, он окликнул душманов по-русски, его приняли за переодетого десантника, сидящего на гауптвахте. Ахмад пытался объясниться с Саттар-ханом, говорил про сбитый русский самолет, но приклад автомата отбил охоту открывать рот. Душманы потешались над ним. Не ты сбил, кричали, а Джади. И он уже получил деньги. Три миллиона афгани! Саттар-хан не узнал бородатого, битого Ахмада, махнул рукой — в расход.

Ахмад, выплевывая сгустки крови, едва шевелящимся, распухшим языком прошептал едва стоявшему Ивану на ухо:

— Нэ падай, камынями закидывают. Я зынаю.

— Э, Ахмад, нас привели за кишлак и поставили к стене не для того, чтобы похвальный лист вручить. Похоже, и о нас вспомнили на небесах, теперь мы там понадобились серьезно.

Светало. Постройки, горы обрели четкие очертания. На лицах душманов горящие от только что пережитой вакханалии глаза. Они били, рвали пленных с

---

* *Я приглашаю вас на чашку чая. Вперед — марш! Направо!*

остервенением псов, что-то выкрикивая. Бача* канючил у Саттар-хана разрешение в составе других привести приговор в исполнение. Он заглядывал в глаза, умоляюще прижимал руки к груди. Саттар-хан кивнул: разрешаю, но промахнись только! Джади зычно скомандовал:

— Джам сай!**

Около десятка душманов и с ними бача выстроились в одну линию метрах в пятнадцати от стоящих спиной к дувалу пленных. Окрик Джади: «Оружие наизготовку!» Сомнений не было: расстрел неминуем. Кровь тотчас свинцовым горячим жгутом забродила по жилам Ивана, обдала лицо и все тело. Он стал огнем, бомбой, готовой лопнуть от мысли, что все явь. Еще хотелось верить в счастливый исход, но в мозгу не было места для этого.

— Дэккат мара гуш ку!***

Душманы клацнули затворами, направили вороненые стволы в сторону людей. В Ивана целился бача. Они смотрели друг другу в глаза. Хотелось ли жить Ивану? Теперь — да! Прошлое успокоилось в нем, будущего не было, а настоящее глядело черным зрачком ствола. Пугало ли оно его?.. Дочь! Ах, дочь! Самое невинное существо на свете, ради которого Иван готов на любой поступок. Только не совершить уже ничего. Жизнь кончится подступающим утром в прогорклом запахе от сгоревших домов на совершенно чужой земле. А доченьке кто поможет окончить школу, повзрослеть, выйти замуж? Кто поздравит с первенцем, когда родит? Ивана будто щипали за сердце, только физической боли уже не было, то маялась душа. В последнюю минуту жизни прошептал синими губами: «Простите, Надя, доча. Я оставляю вас навсегда». Легкое дуновение ветра ерошило волосы на голове. Он видел, как палец бачи мостится на спусковом крючке автомата, и сжал челюсти.

Тотчас раздалась новая команда, которую Иван понял без перевода.

— Ур!****

Житихин стоял чуть впереди серой массы смертников. Ахмад спрятался за его спиной, он надеялся на чудо, молил Аллаха. Из стволов полоснуло фиолетово-кинжальным огнем и пули, прошив жертвы, ударили в саманную стену, выбив пыль. Люди в разных позах полетели на тот свет.

Иван ничего не видел, не слышал. Одна из них попала ему в грудь, от кости поменяв траекторию, вышла в подмышечной выемке, задев левую руку, вторая порвала живот навылет, третья — мякоть ноги. Бача не смог крепко удержать автомат.

Иван летел в густую темноту по другую сторону жизни, не ощущая ни своего тела, ни теплой пыли под ногами, ни запахов. Ахмад подхватил сзади, завалился под Ивана. Притих. Стрельба прекратилась, горячие стволы еще смотрели в сторону убитых. «Духи» загалдели, пошли к вороху тел добить живых, забрать ценные вещи. Бачу поздравляли: ты воин! Он подошел к Ивану, увидел кровь на груди, снял палец со спускового крючка, в нем еще жива детская жалость да и зачем в мертвого стрелять. На память тут взять нечего… Отдельные щелчки выстрелов хлестко стегали по горам, откликались эхом. Ахмад лежал под Иваном, его не видно в кровавой мути. Душманы отрезали головы активисту Зендаги и русскому воину, насадили на колья, вбили в землю на входе в кишлак, ушли говорливой массой. На лицо Ахмада капала теплая соленая кровь из ран Ивана, тело затекло, била дрожь…

---

* *Бача — мальчик-подросток, который, нарядившись в женскую одежду, развлекает мужчин эротическими танцами и песнями (дари).*

** *Становись!*

*** *Слушай мою команду!*

**** *Огонь!*

Майор Бердников по рации доложил на командный пункт обстановку. Тотчас в полку Крягова, в десантной дивизии и пехотном полку объявили тревогу. Три звена вертолетов с воздушными стрелками спешно поднялись в воздух, на малой высоте по ущельям пошли к кишлаку Зендаги. Вертолетчики находили безопасный маршрут в ломаном лабиринте гор, глядя через очки ночного видения и по четкой черно-белой картинке дисплея.

В наушниках голоса: «Через двадцать секунд доворачиваем вправо, минуту по прямой». Мощный посвист винтов девяти вертолетов отдавался в сердцах солдат и летчиков. Лишь белки влажно блестящих глаз сверкали в неосвещенном грузовом отсеке. Никто не говорил, но то напряжение, которое было внутри у каждого, наполняло этот блеск и редко звучащие голоса тем особым тяжелым смыслом совершающегося обыкновенного на войне действия — выход на заданный рубеж. В душе каждый знал: полет и то, что ждет впереди, могут быть последними, но никто не верил, что несчастливый исход уготован именно ему.

На отметке десять километров от кишлака Зендаги вертолеты были обстреляны. Они перестроились — три из них заняли эшелоны повыше. Нижние, разойдясь веером, подавили огневую точку нурсами*. На километровом удалении по винтокрылым машинам мощно ударили с разных огневых точек два крупнокалиберных пулемета ДШК. Ту-ту-ту-ту! Трассирующие пули чертили линейки в ущелье, ища поживу, шлепались в скалы, с визгом рикошетили, выбитые искры и каменные крошки разлетались в стороны. Из открытых иллюминаторов солдаты отвечали душманам огнем автоматов. В грузовом отсеке дымно, дышать трудно.

Саттар-хан и Джади со своими головорезами заняли высотки, на крышах домов установили пулеметы, подтягивая ящики с боеприпасами, доставали из багажников автомобилей минометы и оборудовали складки и неровности местности под окопы, пытались выбить десантников. Саттар-хан понял, что попал в «котел», но пусть попробуют взять.

— Спур сай!**

Жители кишлака собрались на базарной площади. Старейшина племени Джамал Асад в растрепанной чалме, пожилой человек с иссохшей вишневого цвета кожей на скулах, с седой длинной бородой постоял некоторое время в раздумье, перебирая четки, глухо сказал на дари:

— Вы слышите? Оттуда идет смерть. Аллах так велит, чтобы мы ушли из кишлака, иначе погибнем. Возьмите пожитки, еду на несколько дней, мы пойдем в горы. Там спасение.

Женщины, лиц которых не разглядеть за чачваном, загалдели, держа детей на руках, совали их старосте.

— Это с ними-то идти?! На погибель?!

— Погибель здесь, а там — спасение. Собирайтесь! — Староста говорил быстро и жестко, однако, посматривая в сторону, где вели бой десантники Бердникова. Синь уже разлилась по долине. Свет выбелил вершины гор.

Женщины, ворча, разошлись по домам. Птицу, скот отпустили на подножный корм, с собой взяли разных круп, муку, просоленное мясо, овощи, воду в бурдюках. Едой и необходимым дети загружены чуть ли не наравне с матерями. Вскоре с поклажей за спиной, с повозками на резиновом ходу, запряженными осликами, снова собрались на площади. Вереница отправилась за Асадом. У выхода из кишлака их остановило охранение Джади. Краткий диалог, и они отпущены с миром.

---

* *Нурсы — неуправляемые ракетные снаряды.*

** *По местам!*

У Саттар-хана был американский оператор, который снимал на видеокамеру расстрел, пожары в кишлаке, исход дехкан. Комментарий к съемке, который вставлял Джади, не был оригинальным: «Русские сожгли кишлак Зендаги, выгнали из него местных жителей. Они пришли сеять смерть, но найдут тут свою могилу». Он еще не знал, что через пару часов будет драпать в горы с Саттар-ханом и что американский оператор побежит впереди отступающих с криком: «Русские идут!»

Толпа из мужчин и женщин, плачущих детей, поднятых ни свет ни заря с цветных тюфяков и подушек с вышивками, шла с белым флагом по утренней прохладе в горы. Она набрела на ползущего человека, на спине которого лежало окровавленное тело с безжизненно мотающейся из стороны в сторону головой, облаченное в одежду дехканина, но с европейскими чертами лица и светлыми волосами. А тот, кто был под ним, пронзительно закричал на дари: «Не стреляйте! Я свой! Я из рода Туфани!» Последнее повторил несколько раз. Человек вылез из-под бесчувственного тела и остался сидеть на земле, глядя сквозь слезы на толпу беженцев. Это был Ахмад.